

О. Н. Астафьева¹**МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ФАКТОР ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Продолжая обсуждение проблем взаимодействия культур в условиях глобализации в контексте идей межкультурного диалога², без распространения которых сегодня сложно представить картину будущего российской культуры и национально-культурной (коллективной) идентичности, выделим для рассмотрения два основных аспекта. Оба связаны с новыми «вызовами», с которыми столкнулась культура России, испытывающая давление процесса унификации и продвигающаяся в направлении преодоления культурных «разрывов» и культурного неравенства, образовавшихся в результате социальных трансформаций последнего десятилетия XX века. Это усиление миграции как характерной тенденции глобализирующегося мира и появление новых моделей идентичности, формирующихся в результате активизации межкультурных взаимодействий.

Соглашаясь с тем, что мобильность населения разных стран и их перемещение — реалии, которые невозможно остановить, нельзя не замечать того, что эти процессы приводят к социальным и культурным изменениям: в обществе возрастают тревога и напряжение, связанные с неготовностью людей к принятию культурного разнообразия, размывающего устойчивость привычной социокультурной среды. Диалог становится для современного человека жизненно важной потребностью, основанной на выражении уважения к межкультурным различиям. Кажется бы, эта *потребность в диалоге*, базирующаяся на взаимном уважении, должна лежать в основе коммуникаций всех членов социума — как тех людей, которые волею судеб оказались на «чужой» территории, так и тех, кто выступил «принимающей» культурой. Однако такая позиция разделяется далеко не всеми членами общества.

¹ Заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заведующая сектором стратегий социокультурной политики Российского института культурологии, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных работ.

² См.: Астафьева О. Н. Межкультурный диалог в условиях глобализации: проблемы теории и практики // Межкультурный и межрелигиозный диалог а целях устойчивого развития: Материалы междунар. конф. / под общ. ред. В. К. Егорова. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 120–139; *Она же*. Взаимодействие культур: модели и смыслы // Взаимодействие культур в условиях глобализации / под общ. ред. Н. М. Мамедова, А. Н. Чумакова. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 136–144.

Сегодня тема межкультурного диалога — это не только теоретическая проблема, это обсуждение реально существующих в современном социуме моделей межкультурных отношений. Наша исходная позиция такова: поиск диалогического дискурса в неоднородных обществах — многокультурных, полиэтнических, поликонфессиональных — это поиск *модели интеграции*. В некотором смысле — идеальной модели, поскольку с учетом реалий современной ситуации за ее привлекательностью кроется необходимость длительного процесса освоения демократических норм и взаимного признания ценностей разных культур; обучение нормам, правилам, принципам общения, обеспечивающим успешность социокультурных коммуникаций.

Культурная самоидентификация в условиях глобализации — сложный процесс, включающий разные пласты культуры: и те, которые были восприняты человеком в процессе социализации, и ценности социокультурной среды, окружающей человека в данный момент его жизни. Любой человек нуждается в «отсылках» к своей культуре, к тем привычным паттернам и практикам, когда-то составляющим основу его повседневной жизни, придающим особый оттенок стилю его коммуникаций. Как примирить это острое желание сохранить свою культурную самобытность, но при этом вписаться в другие культурно-цивилизационные рамки, научиться понимать иные жизненные принципы и при этом сохранить свою самобытность? Но еще сложнее человеку научиться принимать (разделять) ценности той культуры, в которой он теперь проживает. И альтернативных решений здесь немало.

Какие модели этнокультурного взаимодействия складываются в России: вражды и противостояния, или же модели совместного бытия? На основе анализа социологических исследований автор выявляет основные тенденции в динамике социальных и культурных изменений, в том числе оценивая отношение между людьми разных национальностей, перспективы вхождения мигрантов в новую многокультурную среду, обосновывая эффективность инструментов воспитания *готовности к межкультурному диалогу*. Признается вариативность моделей культурного взаимодействия. При этом выбор из возможных альтернатив связывается автором

со стратегическими целями культурной политики России.

Мир изменяется значительно быстрее, чем идет процесс осмысления социокультурных трансформаций и их последствий для человека; интенсивнее, чем осуществляется выбор новых стратегий культурной политики с учетом культурного разнообразия¹. Поэтому современная культурная политика может быть только политикой для культуры, то есть политикой межкультурного диалога в соответствии с положениями Всемирной декларации ЮНЕСКО по культурному разнообразию. Вытекающая из этих установок ориентация на социальную интеграцию и солидарность при сохранении разнообразия актуализирует проблему перспектив национально-культурной идентичности в условиях интенсификации миграционных процессов.

Модернизирующийся глобальный мир предлагает новые образцы, модели, стили и образы жизни взамен быстро устаревающих, обостряя тем самым проблемы адаптации и поиска новых форм сосуществования людей в общем социокультурном пространстве. Следствием изменения социокультурной конфигурации, разрушающей прежнюю целостность человека и оказывающей влияние на ее новую конфигурацию, становятся процессы *реструктуризации и демаркации* коллективных и индивидуальных идентичностей.

В условиях глобализации вряд ли вообще можно говорить о коллективной идентичности как о стабильной идентичности, ведь множество людей, динамично перемещаясь в социальных пространствах и включаясь в разные социальные образования, испытывают кризис идентичности. Причины неустойчивости социокультурных картин мира кроются в неспособности людей идентифицировать себя со своей культурой, в неумении включиться в выработанную человечеством систему ценностей, отсутствием навыков и знаний относительно их действий в социуме, необходимых для удовлетворения новых потребностей, желаний, стремлений. Это связано также с наступлением новой эпохи, влекущей за собой новый тип информационной культуры, новые модели и паттерны поведения; увеличивающиеся межпоколенные разрывы, когда насильственное исключение из исторической памяти мифов, фактов, событий, создание новых образов на описательном и на нормативном уровне уменьшают шансы идентификации индивидов с социокультурной реальностью.

Глобализационный контекст привносит в понимание идентичности не только разные оттенки: в принципе, он подводит основания для прямо противоположных выводов. Столкновением разных точек зрения на место национального государства в современном мире (ослабление власти, трансформация или усиление роли национальных государств) опре-

деляются характер и направленность национальной идентичности. Признание трансформации власти, реартикуляции роли и функций государств в результате пересечения сетей и систем в процессе глобализации и регионализации — сигнал о необходимости вести политику другими средствами, чтобы удержать свой суверенитет и автономию². Не только территория, но и культура рассматривается как ресурс национального государства.

Национально-культурная, этнокультурная и транснациональная идентичности — разные типы искусственно созданных в сознании людей «артефактов», которыми регулируются отношения и правила взаимодействия между членами группы и с иными людьми. Наряду с другими коллективными идентичностями они образуют сложный каркас «множественной идентичности», преломляемый личностью через свое «я» в самых причудливых формах. В отличие от гибкости и пластичности индивидуальных идентичностей, обладающих динамичной иерархичностью, наделенными «ситуативностью», коллективные идентичности являются результатом длительного во времени (измеряемого жизнью не одного поколения) процесса их становления.

Сложность современной ситуации в разных странах мира объясняется одновременным проявлением тенденций к «нагруженности» идей культурных различий политических фонном, исчерпанностью «старых» вариантов мультикультурализма, отсутствием источников пополнения ресурсов множественной идентичности. К примеру, тема «европейской» идентичности соседствует во Франции с актуализирующейся проблематикой этнокультурной идентичности выходцев из стран Карибского бассейна, ныне уже являющихся полноправными гражданами страны и, казалось бы, обладающих одной из устойчивых коллективных идентичностей. В Великобритании в «постколониальный» и миграционный дискурс включается тема английского национализма, связанная с увеличивающимися расхождениями между идентичностью «англичан» и «британцев», для которых все очевиднее становится наступление времени выбора пути развития — по модели европейского федерализма или по модели мультикультурализма³; напряжения, связанные с будущим национальной идентичности и культурной идентичности в условиях появления гибридных образований по типу «британской азиатской идентичности», «британской идентичности черных (выходцев из Африки)» и др.⁴ Глобализация по сути порождает повышенный интерес к корням, поэтому некоторые

² См.: Held D., McGrew A. Globalization, Regionalization and the transformation of political community // Paper for the Political Studies Association-UK 50th Annual Conference 10–13 April 2000, London. P. 21.

³ См.: Kumar K. “Englishness” and English National Identity // British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity / ed. by D. Morley and K. Robins. N. Y.: Oxford University Press LTD., 2001. P. 41–55.

⁴ См. об этом: Hall C. British Cultural Identities and the Legacy of the Empire // British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity / ed. by D. Morley and K. Robins. N. Y.: Oxford University Press LTD., 2001. P. 27–39; Pines J. Rituals and Representations of Black “Britishness” // Ibid. P. 57–66;

¹ См.: Canclini N. G. Cultural Policy Options in the Context of Globalization // The Politics of Culture: Policy Perspectives for Individuals, Institutions and Communities / ed. by Gugi Bradford, Michael Gary and Glenn Wallach. N. Y.: The New Press, 2000. P. 302–326.

исследователи подчеркивают, что национальная мобилизация типично территориальна по своей природе, так как использует границы для сопротивления транснационализму. Тем не менее К. Кумар относит идею укрепления территориальной идентичности к контрпродуктивным, показывая, что высокоурбанизированное население Великобритании открыто для взаимодействия, использует преимущественно английский язык, мобильно в освоении новых пространств, в том числе сетевых¹.

Не менее сложными представляются идентификационные процессы и на Африканском континенте. С одной стороны, здесь установилась стабильная ситуация, при которой права этнокультурного большинства и меньшинства принимаются уже как данность. Однако, с другой стороны, исторически сложившаяся ситуация в условиях модернизации и глобализации обнажает противоречия, долгие годы не выходящие на поверхность, что также усиливает кризис идентичности. Возрастают взаимные претензии и усиливаются не только внутренние противоречия между расовой и этнической идентичностью (кого считать «коренным», кого — поселенцем, кого — иммигрантом), но и между этими вариантами и гражданской, политической идентичностью. Колониальная власть использует ресурс «интеллектуального воображения» в вопросах признания тех или иных сообществ как “origins”, идентифицируя их как коренные, подлинные сообщества. В политическом дискурсе многих африканских стран различаются понятия «политическая общность» и «культурная общность», и в зависимости от признания за ними либо политических прав либо исторически закрепленных культурных прав сообщество идентифицируется как принадлежащее к “origins”².

Столь же очевидны вызовы идентичности в арабском мире: население региона включено в ситуацию «конкурирующих идентичностей». При этом политические, социальные, классовые конфликты не разрушают этническую и сопровождающую ее (зачастую включающую в нее) конфессиональную идентичность. Давление этнической и даже «сверхрелигиозных» идентичностей над национальной идентичностью, аномию, нормативную дезориентацию, атрофированность государства как сильного политического органа исследователи оценивают в целом как завершающий этап прогрессивного развития в арабском мире. В текущем арабском дискурсе усиливаются призывы к реорганизации гражданской идентичности, а укрепление мифов о далеком прошлом рассматривается как форма проявления самобытности, как последствия кризиса, усиленного глобализационными процессами³.

Modood T. British Asian Identities: Something Old, Something Borrowed, Something New // *Ibid.* P. 67–78.

¹ См.: *Taylor P.* Which Britain? Which England? Which North? // *British Cultural Studies: Geography, Nationality, and Identity* / ed. by D. Morley and K. Robins. N. Y.: Oxford University Press LTD, 2001. P. 140–141.

² См.: *Mandani M.* Race and ethnicity as political identities in the African context // *Keywords: Identity*. N. Y.: Other Press, 2004. P. 21.

³ См.: *Al-Azmeh A.* Identity in the Arab world // *Keywords: Identity*. N. Y.: Other Press, 2004. P. 62–63.

В настоящее время воспроизводство этнокультурной идентичности осуществляется в двух основных формах — через традиционные институты культуры и институты гражданского общества: в условиях компактного проживания людей, относящих себя к одному этносу, и в условиях этнокультурной дисперсии. Перемещение огромных потоков людей с нажитых территорий искусственно «прервало» трансляцию культурных традиций и воспроизводство культурного кода, усложнило процесс формирования коллективных идентичностей, в том числе воспроизводство этнокультурной идентичности.

Реструктуризация идентификационных моделей связана еще и с тем, что саморазвитие этнических культур в условиях гражданского общества и информационной открытости включено в полилог культур, образующий контрапункт «перекрестных» связей (культур, развивающихся в рамках светских государств и этнических сообществ, разделяющих разные религиозные убеждения; традиционных культур и культур постиндустриальных обществ с высокими технологиями и т. д.).

Весьма не простым оказалось «испытание» глобализацией, поиски решения модернизационных задач и необходимостью адаптации к «постмодерным», глобальным тенденциям мирового развития⁴ и для национально-культурной идентичности в России. Динамика ценностных предпочтений и представлений в массовом сознании россиян о современном глобальном мире и о культуре Запада показывает поворот в русле ориентаций к «исконно российскому», нравственным устоям и образу жизни, к общенациональным целям, объединяющим позиции всех групп россиян. Нельзя исключать и того, что в условиях модернизации конструирование национальной идентичности связывается не только с риском идеализации прошлого, но и с риском историко-культурного забвения, подмены фактов, трансформацией символического пространства.

Анализ процесса реструктуризации коллективных идентичностей в условиях глобализации позволил автору выделить разные идентификационные модели — «доминантный», «лиминальный» и «когерентный» типы национально-культурных идентичностей как результат разных по интенсивности форм взаимодействия. Для России развитие межкультурного диалога рассматривается автором как фактор укрепления коллективной идентичности в условиях глобализации, как основа для формирования гражданского общества с его прочной социальной солидарностью и ощущением самоидентичности.

⁴ См. об этом: Глобализация и идентичность / под ред. Г. Ершова. М.: РГГУ, 2004; *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Проблемы и перспективы трансформации национально-цивилизационной идентичности современного российского общества // *Общественные науки и современность*. 2004. № 1; *Федотова В. Г.* Глобализация и российская идентичность // *Глобализация и перспективы современной цивилизации* / под ред. К. Х. Делокарова. М.: КМК, 2005. С. 150–172; и др.